

**Советская елочная игрушка как невербальный текст:
проблемы «написания»***

Известно, что каждая культура придает вещам свой смысл и, соответственно, имеет «свою «картину» их образов¹. Создатели вещей (в самом широком смысле этого слова) в той или иной степени всегда стремились заставить «потребителя» увидеть и «прочитать» за «инструментальностью» вещи некое предписанное и приписанное ей символическое значение. В наивысшей степени это касалось тех предметов, которые были семантизированы изначально и имманентно, тех вещей, чья знаковая, «духовная» сущность уже при их создании оказывалась гораздо более важной, нежели чем их сущность «вещная», материальная². Так случилось и с елочной игрушкой, возвратившейся и прочно вошедшей в жизнь советских детей и взрослых, начиная со второй половины 1930-х гг.

Советская елочная игрушка была многофункциональна по своему назначению и сложна по своему содержанию, неся в себе явное или скрытое познавательно-образовательное, художественно-эстетическое, семантико-семиотическое и оценочно-идеологическое начало и представляя собой особый тип нарратива. По происхождению своему это могло быть и официально одобренное «сверху» изделие, и домодельный образец, воплощающий семейные, домашние воспитательные установки и ценности. Этот текст был массовым не только в «бытовом» смысле этого слова (что достигалось широчайшим тиражированием, приобщенностью к нему практически каждого и сильнейшим влиянием его на массовое сознание), но и в классическом источниковедческом понимании (что обуславливалось его стандартизованностью по языку самовыражения, характеру содержащейся в нем информации и особенностью функционирования его в культуре). Это был достаточно однородный, одностилевый текст, который при внешней фрагментарности каждого из его «высказываний» складывался на елке в законченное, целостное повествование. Это, конечно же,

был визуальный (невербальный) текст, но с элементами креолизации, хотя визуальное естественно многократно доминировало здесь над вербальным. Однако подчас лишь одно-единственное слово сразу наделяло елочную игрушку особым смыслом (как, например, надпись «Сталин» или «СССР» на борту советского игрушечного аэростата). И, наконец, это, безусловно, был закодированный текст, где соотношение тайного и явного, эксплицитного и имплицитного могло бесконечно варьироваться в зависимости от того исторического контекста, в который эта игрушка была встроена, и той конкретной историко-политической ситуации, которой она была порождена.

Елочная среда со всеми присущими ей компонентами всегда выступала как объект сознательного моделирования и достаточно жесткого управления и являла собой прямое отражение и воплощение властных политико-воспитательных канонов, норм и практик. Особенно отчетливо это просматривалось в случае с «написанием» елочно-игрушечного текста.

Как и любой другой текст, елочная игрушка содержала в себе не менее трех видов информации: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую³. Особую трудность представляет расшифровка подтекстовой информации, возникающей благодаря способности елочной игрушки порождать дополнительные смыслы путем разнообразного и своеобразного сочетания ее визуально-символических характеристик и сложности предметной организации самого «елочного» пространства.

Суть новой елочной игрушки была заложена не столько в ее внешнем виде, в ее форме, сколько в ее смысле. Выстраиваемый на елке предметно-образный ряд, состоящий во многом из достаточно традиционных, привычных для «старой» – рождественской – елки предметов, должен был отныне заключать в себе новый символический смысл и функции, направленные и на отторжение былой религиозной традиции, и на воплощении советского имперского дискурса.

Между тем, определяя роль и место символа в системе культуры, Ю.М. Лотман писал: «Символ никогда не принадлежит какому-либо одному син-

хронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее»⁴. Мало кто из находившихся на елке задумывался над тем, что советские елочные украшения имели своих прямых рождественских предшественников с глубокими библейскими корнями (Вифлеемская шестиконечная – красная пятиконечная звезда; яблоки – шары с изображением советской символики; фигурки ангелов – фигурки красноармейцев, пионеров, пионерок и т.д.). Скрытая символическая преемственность, невысказанный смысл воссозданного на елке образа нового советского рая был понятен немногим. Для детей он был слишком сложен и не читаем, в том числе и в силу исключительной новизны происходящего – ведь для преобладающего большинства мальчиков и девочек елки второй половины 1930-х гг. были, по их собственным словам, первыми в их жизни⁵. Многие дети вообще не знали, что такое елка: «Дети говорили: «Елка в лесу?» Когда педагог объяснил, один ребенок сказал: «Первый раз слышу, чтобы на елке росли игрушки»⁶. «Приблизился 1935 год⁷. В СССР возобновили обычай устраивать новогодние елки. Я еще тогда не знал, что это такое. Мне решили сделать сюрприз. У соседки был куплен старинный набор заграничных елочных игрушек... и я увидел доселе невиданное зрелище», – вспоминал впоследствии современник⁸.

Советские средства массовой информации также заостряли особое внимание на «новизне» и «непривычности» возвращенного праздника («никогда еще дети не видали ничего подобного»⁹). Это был удачный способ обозначить и зафиксировать разрыв между «старой» и «новой» праздничной культурой. «Глаза разбежались у Жени Крыловой. Мать ее, работница фабрики Мосбелье № 4, иногда рассказывала Жене о елках. Правда, сама она знала о елках больше со слов других. А сейчас Женя собственными глазами видела настоящую елку. Больше всего ее привлекали игрушки. Их было такое множество, что Женя сначала просто растерялась. Освещенные электрическими лампочками, висели на елке большие шары, сверкали разноцветные звездочки, покачивались наряженные куклы»¹⁰. Речь идет о новогодней елке 1936 года, поэтому не удивительно, что перечень украшений весьма скуп и не все они вполне елочные.

Необходимость быстрого внедрения образа новой советской елки породила исключительное многообразие путей, которым происходило тиражирование этого образа, его утверждение и легитимация: через елочный ритуал и подготовку к нему (изготовление игрушек-самоделок), на уроках письма и рисования (написание сочинений, детских рассказов и стихов о елке, создание рисунков на новогоднюю тему), через сценарии елочных праздников и специальные методические разработки по их проведению, в том числе и по методике украшения елки, разработанные Наркомпросом, через пропаганду образа новой советской елки в средствах массовой информации, через новогоднюю открытку, через государственные заказы на изготовление елочных украшений и освещение производственных процессов по выработке елочной игрушки в периодической печати, через проведение конкурсов на лучшую елочную игрушку и систему поощрений и наград и пр. Так, например, журнал «Советская игрушка»/«Игрушка» в разделе «Хроника» достаточно регулярно сообщал об организации такого рода конкурсов, приуроченных обычно к новогодним праздникам, и об образцах, удостоенных наград: «В артели им. Шаумяна Мосгоркультигрушосоюза закончился конкурс на образцы ватной елочной игрушки. Первое место получили фигурки «Турист» и «Милиционер». Премии удостоены были фигурки «Медицинская сестра» и «Девочка-колхозница». Отмечены были также такие «военные» елочные игрушки, как «Мотоциклист», «Танк» и «Военный истребитель»¹¹.

Среди текстовых форм репрезентации советской елочной игрушки особая роль уделялась елочным сценариям. Наличие клишированных фрагментов, доступная художественная форма (часто – стихотворная, причем в сценарии обычно включались стихи известных советских детских поэтов), широта тиражирования делали эти тексты необычайно удобными для массового распространения образа нового елочного украшения¹².

Визуальный синтаксис елочного нарратива был достаточно сложен и требовал предварительной подготовки для последующего прочтения, тем более, что первоначально (в соответствии с установкой, данной в небезызвестной ста-

тье П.П. Постышева) советская елка рассматривалась исключительно как детский праздник. Потому «новые» елочные игрушки были ориентированы, в первую очередь, на детей, хотя реально елка находилась в ситуации «детско-взрослого» культурного пограничья.

Учитывая особенности детского восприятия, советская елочная игрушка должна была быть очень зрелищна, что достигалось за счет яркости, красочности, «удивительности» елочных украшений, и в то же время максимально доступна, что осуществлялось за счет простоты и узнаваемости образов (обычно – путем типизации и генерализации). Не случайно среди игрушечных образов советской елки было так много детских, а елочные «взрослые» – красноармейцы, матросы, милиционеры, колхозники, позднее – космонавты, – часто выглядели как переодетые дети. Они отличались и детским телосложением, и детским выражением лиц («кукольные» лица), и «детскостью» одежды (даже «форменная» одежда взрослых была стилизована в данном случае под детскую). Таким образом, образы «елочных» детей были начисто лишены какого-либо дискриминационного содержания. Напротив, в елочной иерархии они занимали самые почетные места, потеснив и вытеснив оттуда взрослых, что вполне соответствовало общим установкам советской политической пропаганды, стабильно и неоднократно использовавшей и эксплуатировавшей детские образы в своих целях. Выгляда довольно реалистично, елочные дети и младенцы, с одной стороны, воплощали собой миф об уже существующем идеально счастливым советском детстве, а с другой, представляли собой некие показательные образцы, на которые следовало равняться и которым следовало подражать.

В соответствии с тогдашними воспитательными стандартами большинство елочных детей представляло собой не пассивных наблюдателей всего того, что происходило вокруг них, а активных акторов, «оснащенных» атрибутами их деятельности – санками, коньками, лыжами, книгой, лопатой, куклой и т.д. Пассивная созерцательность как способ времяпрепровождения и отношения к действительности на советской елке не пропагандировалась и не поощрялась.

Если советская культура елочной игрушки и отдавала приоритет каким-то возрастным категориям, то это, безусловно, были ребенок и старец (Дед Мороз, пушкинские Старик из «Сказки о рыбаке и рыбке» и Царь Салтан и др.¹³). Что касается гендерной принадлежности елочных игрушечных образов, то она была достаточно легко прочитываема. Эти образы могли быть симпатичны и привлекательны (как привлекателен может быть маленький ребенок) и при этом абсолютно асексуальны. «У нас кукла есть образ ребенка, нашего ребенка..., а не буржуазной «барышни», – писала ученый секретарь Комитета по игрушке Е.А. Флерина в 1936 г.¹⁴ Эта установка полностью распространялась и на елочные «кукольные» фигурки.

Мужчине следовало присутствовать на елке прежде всего в образе воина из прошлых веков (богатыри в кольчугах) или из современности¹⁵. Выработавшийся в то время в СССР мужской идеал был близок к такому «милитаризованному» образу здорового, атлетически сложенного мужчины, готового ко всему (кроме эротики, которая из идейных соображений жестко табуировалась), некоего советского супермена, достойно выходящего из любой кризисной ситуации. Образ такого человека – «красноармейца, краснофлотца, милиционера, физкультурника, летчика» – вел ребенка, по мнению советских педагогов, «от самых простых, узкосемейных и бытовых картин к воспроизведению жизни коллектива, к широким общественным событиям и явлениям, к ярким героическим эпизодам нашей жизни»¹⁶.

Весьма востребованы в связи с высокой степенью их узнаваемости оказались и персонажи русских народных сказок, и популярные герои советской детской литературы. «Надо иметь нам такие игрушки, которые должны быть на каждой елке, – писал один из идеологов «новой» елки С. Базыкин, – которые были бы также характерны и популярны, как «Крокодил» или «Тараканище» Чуковского»¹⁷. Недавняя реабилитация сказки в советских воспитательных практиках оказалась тогда весьма своевременной, поскольку «сказочность» отныне расценивалась как одна из основных характеристик новогоднего дерева: «Елка сказочна. На ней бывает то, чего никогда не бывает»¹⁸.

Существенная роль в понимании новой елочной игрушки отводилась ее антропоморфизации. Елочные игрушки «оживали» в новогодних сценариях и становились вместе с детьми полноправными участниками советских новогодних праздников. Здесь «танцевали», «пели» и «рассказывали стихи» советские военные корабли и елочные бусинки, шишки, снежинки и хлопушки, и даже коробки с подарками. Висевшая на елке игрушка тоже не имела права молчать: в соответствии с новыми педагогическими установками, она обязана была «свистеть, хрюкать, мяукать, звенеть, квакать, хлопать, кукарекать»¹⁹.

Размещаемые на елке визуальные объекты были отнюдь не случайны. Можно даже говорить о создании особой советской елочной иконографии – изображении и воплощении в елочной игрушке типических образов большевистского политического искусства согласно фиксированному шаблону²⁰, правда, адаптированных к детскому восприятию. При всем своем кажущемся разнообразии, советская елочная игрушка если и не была полностью моностилистичной по форме, то уж точно достаточно монологичной по своему идейному содержанию. Идейно-символический смысл новой елочной игрушки мог быть выражен и явно, и тайно (скажем, красная звезда на верхушке, с одной стороны, и, как, казалось бы, совершенно «аполитичные» овощи и фрукты, которые на самом деле олицетворяли советское изобилие, с другой). Но явное – с учетом специфики детского восприятия и понимания – было, безусловно, предпочтительнее.

Призывая к разнообразию игрушечного ассортимента, власти одновременно требовали его унификации в соответствии с четко заложенными политическими установками. Так, в вышедшем в 1936 г. пособии Наркомпроса «Елка» четко было прописано то, как должно выглядеть образцовое советское елочное дерево. Его следовало наряжать в строгом соответствии с «классово выдержанной» тематикой – предлагалось активное использование в качестве елочных украшений таких «современных» и «своевременных» образов, как стратостат, парашют, дирижабль, фабрика, военное судно, метро и др., и полный отказ от образов «религиозных» (ангелы, изображение рождества Христова и пр.). Наряду с игрушками «классово выдержанными» допускалось и разрешалось при-

сутствие на елке «старых» игрушечных образцов (блестки, золотые звезды, звери, птицы), которые на новой елке они обретали «новое» звучание²¹. Однако подобное совмещение нередко приводило к конфликтам между педагогами и воспитателями, вкладывавшими в каждый из елочных символов собственную интерпретацию. Посетив накануне Нового, 1936 года, один из детских садов, представители Наркомпроса и Наркомздрава были страшно возмущены, увидев на елке самодельные цепи, склеенные их цветной бумаги. Они потребовали немедленно снять их со словами: «Как на советской елке, первой веселой социалистической елке, может присутствовать эмблема рабства?»²² В свою очередь, советский педагог Е. Быковская практически в то же самое время усиленно настаивала на использовании в качестве украшения именно самодельных цепей, поскольку они способствовали выработке совместных навыков социалистического коллективного труда²³.

Интересно заметить также, что язык социального конфликта, столь характерный для советской визуальной пропаганды 1930-х – 1950-х гг., был выражен на елке очень слабо. Карикатурные, «травмирующие» образы «чужих» не должны были портить облика великолепной советской елки: ведь они были действительно чужими на этом празднике жизни.

Ряд совещаний практических работников, прошедших в 1936 г. в Наркомпросе, позволил обобщить опыт более чем 200 воспитателей московских детских садов по проведению новогодней елки. На его основе были разработаны рекомендации по методике «взаимоотношений» детей с елочной игрушкой (можно ли детям самим украшать елку, хорошо ли, когда дети сами делают елочные игрушки, как украшать елку, могут ли дети разбирать елку и т.д.), которые также носили унифицирующий характер²⁴.

Изображения «идеальной» советской елки присутствовали и в советском агитационном искусстве, в частности, на политических плакатах того времени. Так, например, на плакате Г. Шубиной «На елке красивые звезды горят...» (1936) были изображены «счастливые советские ребята» разных национальностей на фоне богато украшенной и ярко освещенной новогодней елки. Плакат,

по всей видимости, отражал новогодние реалии того времени: игрушки «старого образца» (конфеты, мандарины, звездочки, птички, рыбки, бусы, нераспи- санные шары) соседствовали на елке с такими «новыми» игрушками», как пя- тиконечные красные звезды, самолеты разных образцов, парашюты с крохот- ными парашютистами, стратостаты, танки и пушки. Венчала елку огромная красная звезда. Плакат сопровождался следующим текстом: «На елке красивые звезды горят (*хотя то, что, действительно, «горело» на этой елке, больше бы- ло похоже на электрическую гирлянду, имитирующую свечи – А.С.*), / Веселых подарков не счесть. / У наших счастливых советских ребят / Хорошая родина есть! / Мы пляшем, поем и смеемся сейчас, / Нам радостно жить на земле, / И все потому, что о каждом из нас / Заботится Сталин в Кремле!»²⁵.

В процессе создания елочного нарратива особая роль уделялась елочному монтажу. Он осуществлялся посредством размещения елочных игрушек по от- ношению к самой елке (на макушке/у подножия, вверху/внизу, снаружи/в глу- бине и т.д.) и по отношению их друг к другу. Совершенно очевидно, что одна и та же игрушка, размещенная на верхних или нижних ветках, приобретала раз- ный смысл, тем более в контексте остального «игрушечного» окружения. Ие- рархия игрушек внутри их елочного царства также постоянно менялась: преж- ние фавориты могли легко превратиться в аутсайдеров, а скромные обитатели нижних веток переместиться на самые престижные позиции.

В соответствии с методическими установками Наркомпроса, располо- женные на елке игрушки не должны были создавать связного сюжета. Напро- тив, все и вся следовало перемешать. «Самое замечательное в елке, – писал ме- тодист Наркомпроса, – это веселое содружество разнородных вещей»²⁶. После- довательная наррация допускалась лишь у елочного подножия, где предполага- лась детализированная реконструкция событий, эпизодов и явлений советской истории или советского быта («подвиг челюскинцев», «Красная Армия», «кол- хоз», «птичий двор», «советская квартира»), причем все сюжеты могли быть выстроены параллельно и одновременно: «Подножие елки – дело серьезное. Вот ледяное поле, айсберги, дома, антенна, фигурки, пароход, аэропланы – это

бессмертная тема – челюскинцы. Немножко дальше зеленое поле из хвои и на поле – танки, палатки, пулеметы, пушки, фигурки, силуэты, красные флажки – любимая тема – Красная армия». Рядом – пример нового советского уюта – комната, населенная двумя куклами и обставленная кукольной мебелью. Здесь есть шкаф, кровать, стол, на столе – кукольный сервиз, на полу – собачка из папье-маше, в углу – маленькая игрушечная елка²⁷.

В процессе выстраивания этих сюжетов «реальные» и «сказочные» образы успешно соседствовали рядом: «Дед Мороз, знакомый, любимый детьми сказочный персонаж, имеет прямое право гражданства на елке. Наряду с этим традиционным типажом надо дать и наш советский любимый типаж – здорового румяного лыжника-спортсмена, конькобежца, хоккеиста и т.д.»²⁸. Для украшения елочного подножия настоятельно рекомендовались картинки-панорамы с изображением аэродрома, погранзаставы, «плясок красноармейцев на отдыхе» и павильонов ВДНХ²⁹.

Новые советские игрушечные елочные персонажи постепенно вытесняли своих предшественников. Например, игрушечный Дед Мороз отныне был совершенно не обязателен. «Ребята будут в большом восторге, – прописывалось в инструктивном материале, – когда увидят у подножия елки пограничников, охраняющих вместе с собакой далекую заснеженную заставу... Неплохо дать папанинцев на льдине. А Дед Мороз может быть сохранен в качестве зрителя»³⁰.

Предполагалось, что дети будут не только рассматривать эти «сюжетные» игрушки, но и играть ими. Образец такой игры – в «шпионов» – был представлен в методической статье на примере одного из московских детских садов: «Алик, выдвигая вперед пограничника – фигуру красноармейца..., говорит: «Холодно как! Ветер какой сильный! Даже не слышно, где враги прячутся!» Выдвигает фанерную собаку: «Смотри за кустами и сугробами, может, тут где-нибудь шпион прячется». Зина двигает фигуру «шпиона» – ватной елочной куклы в платке и шубе: «Вот проберусь сейчас в СССР и буду вредить»³¹. Затем шпиона ловят и отводят на заставу.

Таким образом, среди украшений советской елки не было ничего случайного, непродуманного: она сияла светом тех символических значений, которые приписывали ей советские воспитатели. Между тем, основная масса граждан, приобретая елочные игрушки для своих детей, мало задумывалась над уровнем их «советскости», а руководствовалась, в первую очередь, степенью красоты и привлекательности елочного украшения. «Освоение» и «присвоение» елки и елочной игрушки «снизу» шло подчас по совершенно непредсказуемому сценарию, о чем свидетельствовали многочисленные образцы «нарушения норматива» (Ю.М. Лотман) и «убегания» от канона, прослеживаемые в визуальных и вербальных текстах «детского» и «взрослого» происхождения.

* Данная статья представляет собой отрывок из книги «История елочной игрушки в России», которая готовится к печати в издательстве «Новое литературное обозрение» (Москва).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баранов Д. Образы вещей: (О некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 212.

² Об этом см.: Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 89-101.

³ Такая классификация текстовой информации была предложена И.Р.Гальпериным применительно к нарративным документам, но, вероятно, вполне может быть применена и при герменевтическом прочтении елочной игрушки как текста. См.: Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

⁴ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: В 3-х тт. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 192.

⁵ На елке (в клубе им. Красина) // Советская игрушка. 1936. № 1. С. 27.

⁶ Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки. М., 1936. С.10.

⁷ Автор воспоминаний ошибался. Бывшая рождественская, а теперь уже новогодняя елка была возвращена советским детям после ее запрета накануне нового, 1936 года.

⁸ Тетрадь по графомании бывшего ученика 1-10 классов шести разных школ Москвы, Омска и Колосовки: Автобиографические записки // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. М.; Тверь, 2008. Ч. I. С. 341.

-
- ⁹ На елке (в детсаду №1 Фрунзенского района) // Советская игрушка. 1936. № 1. С.26.
- ¹⁰ На елке (в ДК пионера и школьника имени Павлика Морозова) // Советская игрушка. 1936. № 1. С. 26.
- ¹¹ Хроника // Игрушка. 1939. № 11-12. С. 48.
- ¹² О них см.: Леонтьева С. Детский новогодний праздник: сценарий и миф // Отечественные записки. 2003. № 1.
- ¹³ Культ старчества и младенчества (при утверждении одних и тех же идеалов у всех возрастов), воплощая одновременно устремленность в «светлое будущее» и преклонение перед традициями, заложенными «отцами-патриархами» в лице советских лидеров, был, как известно, легитимирован постфигуративной «вертикальной» сталинской культурой Два (см.: Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago; L., 1985. P. 114-118; Паперный В. *Культура Два*. М., 1996. С. 94 и др.). Его христианская традиционность весьма удачно соотносилась с новогодней (рождественской) традицией.
- ¹⁴ Флерина Е.А. Образная игрушка и методы ее подачи // Советская игрушка. 1936. № 7. С.6.
- ¹⁵ Елочные игрушки // Игрушка. 1939. № 10. С. 27-28.
- ¹⁶ Моложавая Е. К оформлению комплексной игрушки // Советская игрушка. 1936. № 3. С. 12-13.
- ¹⁷ Базыкин С. Делать хорошие массовые игрушки // Советская игрушка. 1936. № 1. С. 7.
- ¹⁸ Улицкая М. Праздник елки // Елка: Сборник статей о проведении елки. М., 1936. С. 22.
- ¹⁹ Григорьев Н. Карнавальная игрушка // Игрушка. 1937. № 2. С. 22.
- ²⁰ Bonnell V. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley, Los Angeles, L., 1997.
- ²¹ Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки. С. 13-14.
- ²² Sorochenko N.M. *Pre-School Education in the USSR* // G.L.Kline (ed.). *Soviet Education*. N.Y., 1957. P. 17. Цит. по: Petrone K. *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington, 2000. P. 91.
- ²³ Быковская Е. Елочные игрушки и их изготовление // Елка: Сборник статей и материалов. М., 1937. С. 42.
- ²⁴ Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки. С.9-21; Она же. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей и материалов. С. 3-10.
- ²⁵ «Дети – наше будущее». М., 2007. С. 76.
- ²⁶ Улицкая М. Праздник елки. С. 22.
- ²⁷ Там же. С. 23.
- ²⁸ Ершова О. Елочный ассортимент // Игрушка. 1936. № 7. С. 24.

²⁹ Елочные игрушки // Игрушка. 1939. № 10. С. 27-28.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ Хитрово Г. Игра в «театр»: (На примере детсада №83 Свердловского района города Москвы) // Игрушка. 1938. № 12. С. 14.